

Наталья Костенко*доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины***Natalia Kostenko***Doctor of Sociology, Full Professor, Head of Culture & Mass Communication Department, Institute of Sociology NAS of Ukraine*

УЧАСТИЕ В КУЛЬТУРЕ: КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНИКИ И МЕДИАТИЗАЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

У статті обговорюється концепт «культурні техніки», який в останні десятиліття все більше вписується в різні підходи до культурного аналізу, інспіровані розробкою сучасної німецької медіа-теорії («Кіттлер і після Кіттлера»), де фокус зміщується на технологічний вимір культури й медіа, «нову матеріальність», взаємодію й неподільність human і non-human акторів у культурно-медіальних ансамблях. Питання про те, онтологічні переваги культури або ж техніки переважно синтезовані в цьому концепті, сьогодні енергійно дебатується, залучаючи пост-гуманістичні, нон-дискурсивні, техноцентричні, але й також і антропологічні, інтерпретативні аргументи. Підкреслюється доречність уваги до культурних технік і медіатизації емерджентних станів у дослідженнях культурної партіципації громадян, артикулюючи соціальні й політичні ефекти, що їм супутні.

Ключові слова: культурні техніки; медіа-технології; німецька медіа-теорія; «матеріалістичний поворот»; культурна партіципація; медіатизація емерджентних станів

В статье обсуждается концепт «культурные техники», который в последние десятилетия все больше вписывается в различные подходы к культурному анализу, инспирированные разработкой современной немецкой теории медиа («Киттлер и после Киттлера»), где фокус перемещается на технологическое измерение культуры и медиа, «новую материальность», взаимодействие и нераздельность human и non-human акторов в культурно-медиаальных ансамблях. Вопрос о том, онтологические преимущества культуры или же техники преимущественно синтезированы в этом концепте, сегодня энергично дебатруется, привлекая пост-гуманистические, нон-дискурсивные, техноцентрические, но также и антропологические, интерпретативные аргументы. Подчеркивается уместность внимания к культурным техникам и медиатизации эмерджентных состояний в исследованиях культурной партиципации граждан, артикулируя социальные и политические эффекты, им сопутствующие.

Ключевые слова: культурные техники; медиа-технологии; немецкая медиа-теория; «материалистический поворот»; культурная партиципация; медиатизация эмерджентных состояний

The article discusses the concept of «cultural techniques», which in recent decades increasingly fits into various approaches to cultural analysis, inspired by the development of modern German media theory (“Kittler and after Kittler”), where the focus shifts to the technological dimension of culture and media, «a new materiality», the interaction and inseparability of human and non-human actors in cultural-medial ensembles. The question of whether the ontological advantages of culture or technology are predominantly synthesized in this concept is today vigorously debated, drawing on post-humanistic, non-discursive, technocentric, but also anthropological, interpretative arguments. The relevance of attention to cultural techniques and the mediation of emergent states in studies of cultural citizenship participation is emphasized, articulating the social and

political effects accompanying them.

Keywords: cultural techniques; media technologies; German media theory; «materialistic turn»; cultural participation; meditation of emergent states

Концептуальные допущения

Дискурс о культурной партиципации, участии в культуре индивидов, групп и институций многомерен, способен увлекать к теоретическим горизонтам и концентрироваться на вполне конкретных артефактах и практиках. По-видимому, для внятности и акцентуации рассуждений требуются некоторые концептуальные допущения, начиная с определения ситуации, в которой пребывает сегодня украинское общество. Его состояние, следуя социальной аналитике Славоя Жижека и недавней теоретической дискуссии по этому поводу [1; 2], приемлемо именовать состоянием «*emergency*», которое характеризуется системной турбулентностью, в том числе и нарушением культурных порядков, существовавших прежде [3]. В сложившихся обстоятельствах такое состояние социума приобретает черты перманентности, транслируя культуру «*emergency*», текущее восприятие пространственно-временных, т.е. онтологических координат совместного существования, на способ жизни людей, их интуиции, ценностные обоснования, смысловые оправдания и практики.

Второе допущение касается уместности рассматривать «*культурную партиципацию*» в контексте понимания культуры как *генерализованного измерения и специфической области* общественной жизни. В определенном смысле, этот двойственный характер культуры можно описать как ее парадокс, который все же методологически важнее сохранить, чем разрушить [4], что дает возможность более объемно смоделировать взаимосвязанность полей исследования, его фокусы и эпистемологическую устремленность. Показательным образом этот парадокс артикулируется в современных дискуссиях, различающих, вплоть до противопоставления, *культурсоциологию* с ее постулатом относительно автономии культуры, задающей собственную перспективу видения социумов (Д. Александер), и *социологию культуры*, имеющую устойчивую традицию анализировать культуру как гомологические проекции структурно-статусной стратификацией населения (П. Бурдьё). Эмпирические реалии, тем не менее, обнаруживают пространства и события, в истолковании которых обе эти перспективы пересекаются и взаимопроникают.

В случае понимания культуры специфической областью человеческого бытия *культурная партиципация* привычно сводится к показателям культурного потре-

бления и доступа различных категорий и групп к культурным благам. Общественная значимость такого подхода юридически закреплена международными институциями, трактующими право на участие в культурной жизни ключевым в системе прав человека, реализация которого способствует развитию критического мышления, повышению взаимопонимания и укреплению демократической гражданственности. Известная программа «Компендиум», например, предоставляет возможность сравнивать уровни культурной активности и культурного потребления в странах Европы. Такой подход отнюдь не препятствует полагать, что культура продуцирует мета-социальное измерение посредством интерпретации мира, «мир-артикуляции», опосредуя не только мировоззрение, но и философию экономического развития и технологий, политические идеологии, как, впрочем, и изобретательность повседневной жизни. Исследование ценностных систем людских сообществ, эволюции медиакультур, трансформации этических норм и эстетических канонов предоставляет аргументы для такого подхода к осмыслению и репрезентации участия граждан в культурных процессах.

Культурные смещения

Культурные поля, как известно, многочисленны и необозримы, как, впрочем, насыщены и фрагментарны для того, чтобы предоставить свои пространства всевозможным вложениям и причастностям: так было всегда. Отличительная повышенная эмерджентность культурного бытия местных участков, проистекающая по причине локальной возбужденности общества, испытывает одновременное воздействие и более впечатляющих, всеохватывающих культурных движений и смещений. Собственно, хаотичность и наवरстывающие ритмы культурных действий не воспринимаются сегодня в качестве исключительности текущего момента, поскольку изменчивость мультиплицированных культурных форм в последние десятилетия считается нормальным и имманентным состоянием. Подчеркивая это обстоятельство, исследователи топологических порядков современной культуры полагают, что «культура все более и более организуется в терминах ее способности к изменениям. Тенденции к инновациям, к инклюзии и эксклюзии, к выразительности возникают в культуре как поле связности, то есть как упорядоченное

неразрывностью, но не как структура, основанная на сущностных свойствах, таких как архетипы, ценности и нормы, или региональная локация». [5, р. 5].

Эти полемические, но, несомненно, набирающие влияние подходы, нон-дискурсивные теории настойчиво уводят исследования за пределы текста, который подразумевает нескончаемую интерпретацию в поисках значений и смыслов, (чем культура виделась долгое время, «возможно, слишком долгое» [6, р. 20]), излишне уверенно указывая путь от вещей к символам, от процессинга к толкованию. В последние десятилетия фокус перемещается на технологическое измерение культуры и медиа, «новую материальность», взаимодействие и нераздельность human и non-human акторов в культурно-медиаальных ансамблях. То есть, на размышления о природе реальности вне зависимости исключительно от мышления и человеческого. В контексте ли раскрытия «безмолвных процессов знания» посредством демонстрации обработки объектов и использования инструментов (Латур), постижения смыслов, минуя герменевтические операции (Губрехт) или трансформируя «лингвистический поворот» в «медиа поворот», аргументирующий, что медиа не только осуществляют коммуникацию, но и производят то, что они коммуницируют (Киттлер) [7]. Как, впрочем, и упреков дискурсивным теориям в недооценке эпистемологической власти имиджей, эстетический статус которых, преодолев иллюстративное происхождение, становится неотъемлемым элементом формирования научного знания, превращая невидимые процессы и теоретические объекты в чувственно доступные и очевидные.

Концепт культуры приобретает новые контуры, суммируют Сибилла Крёмер и Хорст Бредекамп. «Культура больше не дело монолитной неподвижности, застывшей в трудах, документах или памятниках, но перетекает в наши ежедневные практики с объектами, символами, инструментами и машинами. Право исключительности, которое язык вытребовал для себя, (относительно представления культуры), более не бесспорно. Именно во взаимодействии языка, изображения, письма и машин – во взаимности символического и технического, дискурсивного и иконического-культуры появляются и воспроизводятся» [6, р. 24]. В обыденных представлениях о культуре пересмотр утвердившихся взглядов на текстуальные культурные основания весьма выразителен. По данным EUROSTAT, в 2007 г. четверть европейцев ассоциировали культуру с «литературой,

поэзией, драматургией и авторами» (24%), в то время как около 40% – с «исполнительским и визуальным искусством» [8, р. 147].

Культурные техники

Интерес к технологическому аспекту культуры в общем потоке «нового материалистического» или «спекулятивного» поворота, сколь бы перформативной и риторической презентацией он ни воспринимался, вызывая реакцию все же повременить с категоричностью относительно радикального пересмотра взглядов на культурное и медиа бытие, определенно возбуждает эпистемологическую интригу. Потому как направляет внимание к *культурным техникам*, которыми осуществлялась культура и которыми она осуществляется сегодня, что бесспорно корреспондирует с представлениями о культурной партиципации и способами ее исполнения. Вопрос, тем не менее, преодолевает столь явные прагматические рамки, вторгаясь в сферы институционализированной относительно недавно медиа-археологии, где культурным техникам отводится весьма неординарная роль. Кредо такого видения, по меньшей мере, отстаиваемое в работах Вольфганга Эрнста, заключается в том, что культуру стоит прочесть как функцию медиа истории, которая должна быть написана именно как история культурных техник [9, р. 133]. Здесь нет притязаний на макро-культурный охват, но скорее, на анализ уровня микро-технической оперативности, разработанной детально для конкретных исторических технологий [9, р. 135], будь то лаборатория, корабль, пишущая машинка или компьютер. Несомненно, такая интенция инспирирована Хайдеггеровским онтико-онтологическим различием, спроецированным на культурные техники, исследование которых обеспечивают, казалось бы, «фланговый маневр», относя задачу помыслить Бытие к процессам и операциям с битами и кусочками сущего [10, р. 10].

Культурные техники удерживаются в пространстве контингентного, случайного, обладая особой логикой движения и специфической темпоральностью. Они не поддаются описанию привычным историческим нарративом, который аранжируется как семантическое пространство. Возрастающая технологизация медиа очевиднее всего предоставляет основания для понимания медиа-систем элементарными субсемантическими процедурами, темпоральность которых не совпадает и не улавливается человеческим восприятием. В то же время, благодаря способностям хранения и трансмиссии культурных артефактов, они осуществляют культурную мнемонику и наполняют культурную память.

Культурные техники (Kulturtechniken) – ногослоный концепт, который часто вписывают в совершенно специфические подходы, и центрация на нем в последнее время инициирована разработкой немецкой теории медиа, отсылающей к трудам Фридриха Киттлера. Дебаты по поводу того, онтологические преимущества культуры или же техники преимущественно синтезированы в этом концепте, достаточно энергичны, привлекая пост-гуманистические, техноцентрические, но также и антропологические, интерпретативные аргументы [10].

Надо, видимо, быть полностью погруженным в немецкую интеллектуальную традицию медиа-исследований, чтобы соотнести интроспективные ее концепты с похожими аналитическими единицами, измеряющими и описывающими культурные, прежде всего, медиа-технологии в англо-американском и французском культурном теоретизировании и кросс-дисциплинарных подходах. «Не есть ли культурные техники подобием культурных практик?» – задается скорее открытым вопросом Джусси Парикка, высказывая версию, которая для социологической ассоциации уже наготове: первые, кажется, близки ко вторым в том случае, если эти культурные практики обогащены математикой и использованием технических и научных импликаций, а также тщательным специфицированием материальности [11, р. 149-151]. Разумеется, читатели Бурдые хорошо усвоили, что габитус есть матрицей для восприятия, оценки и действия. Но дело больше в самих медиа-технологиях, которые обуславливают нашу культурную реальность. Их следует относить «к онтологическим и эстетическим операциям, что обрабатывают различия (и стирание различий), которые являются базовыми для производства смыслов в любой специфической культуре» [12, р. 14]. Причем различия «материальные» (какими, если речь идет о письме, есть, например, бумага, типографические детали, техники инскрипций, а для компьютерной культуры – математика и программирование), которые не сводимы в сигнифицирующие цепочки и репрезентации, сохраняя свою буквальность. Чем вскрывается историческая онтология, в артикуляции Бернарда Зигерта, которая, тем не менее, не основана на том, что воплощается в историю идей, но скорее на автономных медиа операциях как условиях возможности для артефактов, знания, производства политических, эстетических или религиозных актантов [12, р. 15].

Между тем, дискурс о культурных техниках обнаруживает, что не существует до-

кумента культуры, который в то же время не был бы документом техники [10, р. 6], и они предписывают нам встраиваться в их форматы, вплоть до алгоритмизации присутствия в интернете собственной идентичности, что определяет культурную компетентность и культурную партиципацию. Помимо «элементарных» культурных техник, таких, как письмо, чтение или счет, для полноценного пребывания в культуре сегодня не обойтись без культивируемой в массовом масштабе компьютерной и медиаграмотности. Независимо от того, будем ли мы трактовать медиа как механизмы оповещения, коммуникации и трансляции смыслов или же как рефлексии техники и технологии о самих себе, технологическая оснащенность индивида оказывается решающим в культурном действии. Речь не идет исключительно о медиа-специфических ментальных и концептуальных умениях, изоциренном знании и навыке присоединяться к мировым сетям или безошибочно различать намеренные и ненамеренные сообщения, вымышленные или документальные сюжеты. Что немаловажно само по себе. Но, скажем, и о владении «техниками тела», как их понимал еще Марсель Мосс, рассказывая о стиле прогулки, манере ходить в разных странах, привитых кинематографом, которые совмещают биологические и кинетические реакции с культурными ожиданиями, что также указывает на перманентно изменяющуюся зону, где эта совмещенная конфигурация присутствует. [13, р. 242-263; 10, р. 6]. Похожим образом, управление смартфоном, съемка, selfie в экстремальных ситуациях требует особых «техник тела», связывающих воедино культурный продукт, источающий смыслы, техническое устройство с непостижимой природой, выбрасывающее на поверхность лишь перечень операций, и телесные усилия. Не говоря уже о медиа-тренинге нашей сенсорности в визуальном, акустическом, тактильном проявлении, или медиа-прививке мыслить нетрадиционно рациональным образом. «Технологии, подчеркивает Парика, обрабатывают наши чувства, и наши способности восприятия и ощущения контекстуализируются различными способами модуляции нас самих. Медиа суть не столько коммуникация, сколько психофизиологическая модуляция того что и как мы есть. Наши тела фабрикуются посредством медиа» [14].

Расширение социального и политического

Рекуррентно воспроизводя достижения культурных освоений посредством чувств и наружной операционализации мыслительных

процессов, все более доступные культурные техники и медиа-технологии придают им дистрибутивный характер, превращая в коллективный феномен, который конституируется непосредственными контактами людей с вещами, символическими и техническими артефактами [6]. Чем, помимо напоминания об их «агрикультурной», «культуривационной» родословной, продуцируются условия для заметных социальных и культурных эффектов. Хорошо известна, как показали воодушевленные Фуко исследования *governmentality*, методология двигаться от анализа текстуальности к институтам и процедурам управления. Вероятно, подобное движение возможно и в случае культурных техник, сконцентрированных на материальном, на технологизированном знании «как», скорее чем «что», без чего социологическое воображение останется ущемленным. Особенно, если речь идет о пребывании людей и институтов, объединенных общим пространством, в состоянии «*emergensu*», когда уверенно выполненными действиями могут перехватываться переживания и ожидания, возникающие в атмосфере неопределенности.

Имеется и ряд весомых обстоятельств, с очевидностью обнажившихся в самое последнее время, что повышают неотложность и заинтересованность рефлексий относительно медиатизации эмерджентных общественных состояний. Одиозные случаи слежения и регистрации закрытых сетевых данных, взломы компьютерных программ и выбрасывание в публичность казалось бы профессионально защищенной информации, хакерские атаки различного рода, с различными целями и в различных масштабах побуждают пристальнее рассматривать перспективы цифровой культуры. В том числе ее значительные возможности и ресурсы генерировать контролируемые общества «программирующих» и «программируемых» (Флюссер). Помимо того, что это актуализирует концептуальные и вполне прагматические инсайты относительно распространяемых ныне культурных техник и медиа-технологий, возбуждающей остается проблема: как соотносятся между собой задачи индустрии безопасности и культурной политики. Или подразумеваемая более генерализованную политико-культурную формулу: насколько конгруэнтными могут быть идеи безопасности и свободы слова.

Проблема не возникла случайно, поскольку в основании медиа-технологических систем, как констатируют исследователи, лежит не только рациональный порядок, но и системные сбои: «эстетика сбоя является клю-

чевой частью цифрового и пост-цифрового состояния» [14]. В украинском обществе, в контексте этой общей проблемы и в условиях экзогенной и эндогенной небезопасности границы политически целесообразного в зоне культуры и информации существенно раздвигаются, повышая ее институциональный контроль. Тем не менее, вопрос о пороге приемлемого в информационном регулировании не находит единственно правильного решения, приводит к сдерживанию культурной компетентности, противоречиво воздействует на процессы трансмиссии национального, консолидированности политической нации.

В то же время, с подключением новейших медиа и массовом освоении компьютерных и мобильных технологий, новых культурных техник коммуникации происходят изменения в публичной сфере, которая модифицируется структурно и сущностно, вовлекая в свою орбиту дифференцированные аудитории. Именно таков ее современный вариант, где определяющая роль принадлежит телесному взаимодействию людей с гаджетами онлайн коммуникации, молниеносно связывающих информационные сети в разных направлениях [15]. События Майдана очевидно это продемонстрировали, должно быть впервые в Украине предоставив опыт столь масштабной добровольной мобилизации, основанной на *медийных инверсиях публичного и частного*, но также человеческого и технического. Т.е., подобные смещения в социальной онтологии не в последнюю очередь обусловлены медиа-зависимыми онтическими операциями, которые в ходе технико-материальной деконструкции видятся процессорами особого *медиального* пространства, не принадлежащего ни воспринимающему субъекту, ни воспринимаемому объекту [10, р. 12-14]. Антропологическая аналогия, не раз упоминаемая в этой связи и взятая из прекрасного эссе Зиммеля «Мост и дверь», описывается Бернардом Зигертом как операциональный порог, который создает различия между «внутри» и «снаружи», находясь между этими двумя территориями в качестве утаиваемого третьего, не раскрывающего, из каких технических операций оно возникает [16]. У Зиммеля, между тем, буквальная и символическая воплощенность двери попадает в контекст рассуждений о человеке как о существе соединяющем и разъединяющем, существе ограниченном, но не имеющем пределов, выйти за которые к свободе и позволяет движение этого посредника [17, с. 149-150].

И дискурсивные, и недискурсивные, антропоцентрические и техноцентрические концептуализации медиа в их расширенном зна-

чений обладают впечатляющими аргументами и привлекательными метафорами, которые требуют соотнесенности, совмещенности и избирательности, осмысливая механизмы конституирования и воспроизводства состояния «*emergency*», его медиатизации. Экономические

регуляторы и мониторинговые инструменты, тексты и культурные практики продуцируют особые топологии и темпоральности, предполагая различные логики их постижения и управления, которые наследуются из классической социологии и вырабатываются сегодня.

Литература

1. Žižek S. A permanent economic emergency / Žižek S. // *New Left Review*. – 2010. – Vol. 64. – July-August. – P. 85-95.
2. Adey P. Introduction: Governing Emergencies: Beyond Exceptionality / Adey P., Anderson B., Graham S. // *Theory, Culture & Society*, 2015. – Vol. 32(2). – P. 3-17.
3. Костенко Н. В состоянии «emergency»: культурные эффекты / Наталья Костенко // *Социология: теория, методы, маркетинг* – 2016. – № 4. – С. 102–118.
4. Arnason J. The Cultural Turn and the Civilizational Approach / Arnason J. // *European Journal of Social Theory*, 2010. – Vol. 13. – P. 67-82.
5. Lury C. Introduction: The Becoming Topological of Culture / Lury C., Parisi L., Terranova T. // *Theory, Culture & Society*, 2012. – Vol. 29. – P. 3-35.
6. Krämer S., Bredekamp H. Culture, Technology, Cultural Techniques – Moving Beyond Text / Krämer S., Bredekamp H. // *Theory, Culture & Society*, 2013. – Vol. 30. – P.20-29.
7. Костенко Н. Настичь реальное, когда медиа повсюду: онтологический интерес в культурных исследованиях и теории медиа / Наталья Костенко // *Социология: теория, методы, маркетинг* – 2010. – № 1. – С. 3–15.
8. Cultural Statistics. EUROSTAT. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011.
9. Ernst W. From Media History to Zeitkritik / Ernst W. // *Theory, Culture & Society*, 2013. – Vol. 30. – P. 132-146.
10. Winthrop-Young G. Cultural Techniques: Preliminary Remarks / Winthrop-Young G. // *Theory, Culture & Society*, 2013. – Vol. 30. – P.3-19.
11. Parikka J. Afterword: Cultural Techniques and Media Studies / Parikka J. // *Theory, Culture & Society*, 2013. – Vol. 30. – P. 147-159.
12. Siegert B. The map is the territory / Siegert B. // *Radical Philosophy*, 2011, 169 (September/ October). P. 13-16.
13. Мосс М. Техники тела / Мосс М. // *Общества, обмен, личность*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1996. – С. – 242-263.
14. Парикка Д. Media Archeology: расширение политического / Парикка Д. // *Pop-philosophy*, 2015, 8 сентября. Доступно на: <http://pop-philosophy.net/media-archeology-rasshirenie-politicheskogo/>
15. Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street / Butler J. – Lecture held in Venice, 7 September 2011, in the framework of the series The State of Things, organized by the Office for Contemporary Art Norway (OCA). – 2011, <http://www/eipcp.net/transversal/2011/butler/en>
16. Siegert B. Doors: On the materiality of the symbolic / Siegert B. // *Grey Room*. – 2012. – Vol. 42. – P. 6-23.
17. Зиммель Г. Мост и дверь / Георг Зиммель // *Социология власти*. – 2013. – №3. – С. 149-150.